

«Когда этот вопрос всплывет, дни Ань Мэйюн, вероятно, тоже будут нелегкими. Нам лучше не усложнять ей жизнь, если мы можем. Есть также Далинь и Эр-мэй, эти двое детей, о которых стоит подумать. Мы должны оставить себе выход и не можем ставить на карту всю семью, верно?» сказал Гао Дачжуан, оглядываясь по сторонам, затем посмотрел на Ли Сю: "Жена, мы прожили эту жизнь, снова и снова строя козни, только ради детей, верно?"

Ли Сю вздрогнула, глядя ему в глаза. Ее бесконечная болтовня тоже на мгновение прекратилась.

Проведя вместе десятилетия, они достаточно хорошо понимали друг друга.

«Ты прав. Это все ради детей. Давай не будем ходить вокруг да около того. Просто скажи прямо, что думаешь», - сказала Ли Сю. Несколько подавленная, она присела у дверного косяка.

У Гао Дачжуана не хватило духу сказать прямо, но все же он произнес: "Единственное, что нас уличает, так это тот факт, что ты с Ань Мэйюн слишком похожи. Эта несчастная девочка также очень похожа на свою родную мать. Любой, у кого есть глаза, может это видеть, и мы не можем этого отрицать. Все так, как есть, мы можем только признать это. В противном случае, если они действительно докопаются до сути, я боюсь, что вся наша семья..."

У Гао Дачжуана не хватило духу закончить это предложение, но смысл его слов был очевиден.

Им двоим, мужу и жене, нужно было, чтобы один человек взял вину на себя. Гао Дачжуан был опорой семьи, так что только Ли Сю могла признаться.

Ли Сю долго молчала, Гао Дачжуан спокойно дожидался ее ответа.

Пока вдалеке не послышался стук по железу, сопровождаемый приглушенными криками, Ли Сю снова обрела дар речи, заикаясь: "Ради детей, я возьму вину на себя. Но ты должен пообещать мне, что с этого момента ты не будешь искать других женщин. Ты не можешь обижать Далиня и Эр-мэй, и имущество нашей семьи должно быть оставлено Далиню."

Гао Далинь и Гао Эрмэй были их старшим сыном и второй дочерью, детьми, которыми Ли Сю дорожила больше всего.

Хотя в глубине души она больше всего гордилась Ань Мэйюн, в конце концов, она не была ребенком, выросшим рядом с ней. По уровню привязанности, она, конечно, не могла сравниться с этими двумя детьми.

В противном случае ее первой реакцией не было бы обратиться за помощью к Ань Мэйюн. Если бы дело касалось Гао Далиня и Гао Эрмэй, она, вероятно, подумала бы только о том, как им выкрутиться.

Услышав требования Ли Сю, Гао Дачжуан вздохнул с облегчением и сказал: "Ты действительно

беспокоишься по пустякам. Я уже такой старый, мне уже за сорок. Зачем мне другая женщина? И Далинь, он мой единственный сын. Кому еще я мог оставить наше семейное имущество, кроме него?"

"Я тебе верю", - вздохнула Ли Сю, но в глубине души она понимала, что слова мужчин - самая ненадежная вещь в мире.

Была еще одна поговорка: "Раз есть новая мачеха, значит, есть новый отчим".

Гао Дачжуан говорил так, будто он старик, но ему все еще было чуть за сорок. Пока она могла держать его в узде, но как только она уйдет, кто знает, не соблазнит ли его какая-нибудь молодая вдова!

К тому времени, если она начнет нашептывать ему на ухо, как он мог все еще помнить ее, старую желтолицую женщину, которая родила ему детей и взяла на себя вину за него?

Но теперь, ради детей, у нее не было выбора, кроме как признаться.

Когда Ань Чжан привел Ань Чжися и группу людей позади него к семье Гао, передние ворота семьи Гао были плотно закрыты, их окружал круг людей. Некоторые даже взбирались на стену, чтобы лучше видеть.

Возможно, они также затаили обиду на семью Гао. Предприимчивый парень, выглядывавший из-за стены, крикнул, увидев Ань Чжися и остальных: "Вы все пришли сюда к семье Гао, чтобы отомстить, верно? Этот ублюдок Гао Дачжуан избивает свою жену во дворе!"

Ань Чжан и Ань Чжися обменялись взглядами, внезапно поняв, что происходит.

Но в одно мгновение Ань Чжися поняла ключевой момент. "Брат, они, должно быть, уже договорились, что один человек возьмет вину на себя, чтобы остальные могли выйти сухими из воды".

Ань Чжан тоже не был дураком и внезапно пожалел, что только что поднял такой шум. Это дало им шанс скоординировать свои действия.

"Неважно, мы разберемся с этим после того, как сначала избьем их".

Ань Чжан дал Чжоу Цзянье несколько инструкций, затем пинком открыл парадные ворота семьи Гао.

Чжоу Цзянье уже понял и не дал Гао Дачжуану шанса возразить. Он закричал, ворвавшись внутрь: "Братья, забейте этого бесстыдного ублюдка до смерти! Давайте посмотрим, осмелится

ли его гнилая семья снова совершать постыдные поступки после этого..."

Прежде чем Гао Дачжуан успел среагировать, мотыга в руке Чжоу Цзянье с громким стуком ударила его по колену, заставив зрителей на стене невольно вздрогнуть.

"Убивают! Помогите!"

Увидев ситуацию, Ли Сю закричала еще пронзительнее, чем когда ее саму избивали.

Но и она получила свое. Ее ударили те, кто был позади нее, и она дико металась, пока не упала на землю с болезненными стонами.

Остальные не проявили милосердия, ворвавшись на кухню и в главную комнату. Последовали звуки битья, когда были разбиты миски, разгромлены шкафы, одежда и стеганные одеяла разорваны и разбросаны по полу. Даже занавески, свисающие с потолочных балок, были сорваны.

После хаотичного буйства битья и стука Ан Чжан наблюдал за происходящим все это время, не прикладывая к нему руки. И все же он не дал Гао Дачжуану и Ли Сю ни минуты передышки.

Увидев, что эти двое достаточно избиты, Ан Чжан крикнул остальным остановиться. Взяв еду из дома Гао, они ушли, в то время как те, у кого был острый глаз, побежали к курятникам ловить цыплят. Не пощадили даже жирную свинью в свинарнике.

Уходя, Ан Чжан и Ан Чжися замыкали шествие, крича: "Вы, семья Гао, конечно, знаете, как строить козни, подменив свою собственную дочь моей младшей сестрой в семье Ань, чтобы растить ее в комфорте в течение 18 лет, в то время как моя сестра страдала от невыразимых трудностей в вашем доме. Подумайте о том, что мы берем сегодня как об оплате за еду, которую вы задолжали нашей семье после стольких лет воспитания нашей дочери. Хотя этого далеко не достаточно, я надеюсь, что отныне вы сможете вести себя должным образом под руководством Великого Лидера и быть хорошими людьми. Не будьте больше монстрами."

Эти, казалось бы, благонамеренные слова даже послужили правдоподобным оправданием для того, чтобы забрать их вещи. Это лишило супругов Гао возможности опровергнуть их.

Не говоря уже о спорах с ними, Гао Дачжуане и Ли Сю, чьи тела были покрыты ранами от избиений, и на них не было ни одного неповрежденного места, пока кровь пузырилась у их ртов, они не могли произнести ни слова.

Только когда Ан Чжан и Ан Чжися ушли, у Гао Дачжуана появился шанс защитить себя. Естественно, не могло быть и речи о том, чтобы кто-то один взял вину на себя.

Толпа впереди мощно маршировала, подгоняя жирную свинью, другие несли кур и уток, тащили зерно. Явно краденые товары, но это заставило Ан Чжися радостно рассмеяться.

Она не думала, что в этом было что-то неправильное. Когда она жила в семье Гао, супруги Гао не разрешали ей выходить на улицу, но недостатка в работе по дому для нее не было - стирка, приготовление пищи, кормление кур и свиней. Можно сказать, что за курами, утками и свиньями ухаживала она одна. Малейшая ошибка привела бы к тому, что ее избили бы и отругали.

<http://tl.rulate.ru/book/104376/5088856>